

Джафар Джафаров

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ СЕЛО

Постановка проблемы. 70 лет назад вступил в действие приказ главы НКВД "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов". Этот приказ, как отмечают исследователи, документально оформил самый кровавый виток сталинского террора. Правдивый анализ уроков прошлого поможет решать сегодняшние проблемы. Сегодня, пожалуй, главное – вернуть крестьянину утраченное в прежние годы положение хозяина земли, пробудить чувство любви к ней, уверенность в завтрашнем дне. Различные формы подряда, аренда и меры социального развития деревни призваны обеспечить успех в решении этих задач.

Кризис хлебозаготовок в конце 1927 г. возник как результат рыночных колебаний, а не как отражение кризиса сельскохозяйственного производства, а тем более, социального кризиса в деревне. Что же случилось? Почему на частном рынке цены на хлеб поползли вверх? Хлебный экспорт фактически потерял всякое реальное значение, вызвав крайнюю напряжённость платёжного баланса. Поскольку хлеб был важным экспортным ресурсом, дававшим значительную часть валюты, под угрозу ставилась программа импорта машин и оборудования, а по существу программа индустриализации. Сокращение государственных заготовок хлеба создавало угрозу планам промышленного строительства, осложняло экономическое положение, обостряло социальные конфликты и в городе, и в деревне. Обстановка к началу 1928 г. серьёзно осложнилась, требовалась взвешенного подхода. Но сталинская группа, которая только что добила большинство в политическом руководстве, пошла на прямой отказ провозглашенных государством принципов, на слом нэпа и широкое применение чрезвычайных мер, то есть насилия над крестьянством. На места последовали подписанные И.В. Сталиным директивы с угрозами в адрес партийных руководителей и требованием "поднять на ноги партийные организации, указав им, что дело заготовок является делом всей партии", что "в практической работе в деревне отныне делается ударение на задаче борьбы с кулацкой опасностью". Суды выносили решения о конфискации как товарных излишков хлеба, так и запасов, необходимых для производства и потребления. Изымали часто и инвентарь. Началось закрытие рынков, проведение обысков по крестьянским дворам, привлечение к суду владельцев не только спекулятивных хлебных запасов, но и весьма умеренных излишков в середняцких хозяйствах. Аресты в административном порядке и тюремные заключения по приговорам судов довершают картину чинимого в деревне зимой и весной 1928/29 г произвола и насилия. На апрельском и июльском пленумах ЦК ВКП(б) в 1928 г., в центре внимания которых были вопросы о происхождении кризиса хлебозаготовок и путях его преодоления, выявились коренные расхождения в позициях Бухарина и Сталина в предлагаемых ими решениях возникших проблем. Предложения Бухарина и его сторонников о выходе из ситуации, созданной кризисом хлебозаготовок, на путях нэпа (отказ от "чрезвычайных" мер, сохранение курса на подъём крестьянского хозяйства и развитие торгово-кредитных форм кооперации, повышение цен на хлеб и др.) были отвергнуты как уступка кулаку и проявление правого оппортунизма. А позиция Сталина отражала тенденцию к безоглядному форсированию коллективизации. В основе этой позиции лежало пренебрежение к настроениям крестьянства, игнорирование его неготовности и нежелания отказаться от собственного мелкого хозяйства. "Теоретическим" обоснованием форсирования коллективизации явилась статья Сталина "Год великого перелома", опубликованная в "Правде" 7 ноября 1929 г. Статья констатировала произошедший перелом в настроении крестьянства в пользу колхозов и выдвигала на этом основании задачу быстрее завершения коллективизации. Сталин оптимистически уверял, что на основе колхозного строя страна через три года станет самой хлебной страной в мире, и в декабре 1929 г. Сталин выступает перед аграрниками-марксистами с призывами насаждать колхозы, ликвидировать кулачество как класс, не пускать кулака в колхоз, сделать раскулачивание составной частью колхозного строительства. В отношении сельскохозяйственного производства прогнозы Сталина выглядят уже не преувеличением, но произвольной фантазией, мечтаниями, в которых совершенно игнорируются закономерности аграрной экономики, социальных отношений деревни и социальной психологии крестьянства. Через три года, когда подошёл срок исполнения сталинских обещаний относительно превращения СССР в самую хлебную державу, в стране свирепствовал голод, унёсший миллионы жизней. На ноябрьском Пленуме ЦК ВКП(б) того же 1929 г был сделан следующий шаг на пути усиления гонки за "темпом коллективизации". Задача "сплошной коллективизации" ставилась уже "перед отдельными областями". Сообщения членов ЦК, сигналы с мест о спешке и принуждении при организации колхозов не были учтены. Попыткой внести элементы разума, понимания сложившейся обстановки были рекомендации Комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по вопросам коллективизации. Выработанный ею проект постановления предлагал решить задачу коллективизации "огромного большинства крестьянских хозяйств" на протяжении первой пятилетки: в основных зерновых районах за два-три года, в потребляющей полосе – за три – четыре года. Комиссия рекомендовала считать основной формой колхозного строительства сельскохозяйственную артель, в которой "коллективизируются основные средства производства (земля, инвентарь, рабочий, а также товарный продуктивный скот), при одновременном сохранении в данных условиях частной собственности крестьянина на мелкий инвентарь, мелкий скот, молочные коровы и т.д., где они обслуживают потребительские нужды крестьянской семьи". 5 января 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству". Как и предлагалось комиссией, зерновые районы были разграничены на две зоны по срокам завершения коллективизации. Но Сталин внёс свои поправки, и сроки были резко сокращены. Северный Кавказ, Нижняя и Средняя Волга должны были в основном завершить коллективизацию "осенью 1930 г. или во всяком случае весной 1931 г.", а остальные зерновые районы – "осенью 1931 г.

или во всяком случае весной 1932 г." Столь сжатые сроки и признание "социалистического соревнования по организации колхозов" находились в полном противоречии с указанием о недопустимости "какого бы то ни было "декретирования" сверху колхозного движения". Хотя постановление характеризовало артель как наиболее распространенную форму колхозов, но как всего лишь переходную к коммуне. Были исключены положения о степени обобществления скота и инвентаря, о порядке образования неделимых фондов и т.д. В результате сталинской обработки из проекта постановления было исключено положение о том, что успешность коллективизации будет оцениваться ЦК не только по числу хозяйств, объединённых в кооперативы, "но прежде всего на основе того, насколько тот или иной район сумеет на основах коллективной организации средств производства и труда действительно расширить посевные площади, повысить урожайность и поднять животноводство". Тем самым создавались благоприятные условия для гонки за "стопроцентным охватом" вместо превращения коллективизации в средство для повышения эффективности сельскохозяйственного производства.

Разъяснительная и организационная работа в массах подменялась грубым нажимом, угрозами, демагогическими обещаниями. Под сильнейшим нажимом сверху не только в передовых зерновых районах в Чернозёмном центре, в Московской области, и даже в республиках выносились решения завершить коллективизацию "в течение весенней посевной кампании 1930 года". Целями коллективизации были ликвидация кулачества как класса, обобществление средств производства, централизованное управление сельским хозяйством, повышение эффективности труда, получение средств на индустриализацию в стране. 70 лет назад вступил в действие приказ главы НКВД "Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов". Этот приказ, как отмечают исследователи, документально оформил самый кровавый виток сталинского террора. Народный комиссар внутренних дел Николай Ежов датировал свой приказ №00447 30 июля 1937 года, но в силу он вступил с 5 августа. Приказ Ежова содержал в себе все основные элементы террора. Для всех регионов Советского Союза были установлены разнарядки по количеству людей, подлежащих репрессиям. "Перед органами государственной безопасности стоит задача – самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства". Все такие люди довольно расплывчато поделены на категории более опасных и менее опасных, и лиц первой категории в приказе предписывается расстреливать. Смертные приговоры предписывается приводить в исполнение тайно. К примеру, поводом для активизации репрессий становились и коллективизация в конце 1920-х годов, и московские процессы над членами партийной верхушки в середине 1930-х. В одном из мест массовых расстрелов в Медвежьегорске, Карелии захоронено около 7 тысяч расстрелянных. Всего по стране "в плановом порядке" предписано было репрессировать 1.568.950 тыс. человек, но с мест, разумеется, посыпались людоедские просьбы увеличить квоты. Их обычно удовлетворяли не глядя, и поэтому число только расстрелянных оказалось в пять раз больше "плана".

Приказы Сталина в своем "классическом" варианте в первую очередь были применены в отношении Азербайджана. В январе 1954 г. для Хрущева и Маленкова был подготовлен рапорт МВД СССР, из которого следовало, что НКВД арестовал в период с 1920-х, до начала 1950-х годов более 3,5 млн. чел., из которых 1 млн. 380 тысяч приговорены к расстрелу, остальные осуждены, а выслано же было 3 млн. 180 тыс. человек. В разделе по Азербайджанской ССР указывалось 12.000 расстрелянных и осужденных и 90.000 сосланных в другие регионы. Однако чуть ли не все исследователи того периода считают эти данные заниженными во много раз. Так, при населении Азербайджана немногим более 3 млн. человек, было расстреляно свыше 20.000, осуждено – 110.000 и сослано за пределы республики свыше 200.000 тысяч человек, т.е. по существу был репрессирован каждый десятый человек. 150.000 человек из свыше 200.000 сосланных была отправлена в Казахстан, а остальные – в Сибирь, Узбекистан и Кыргызстан. Первые эшелоны со спецпереселенцами, или "врагами народа", как их тогда называли, в количестве 12 тысяч человек были отправлены из Азербайджана начиная с 20 сентября 1937 года, а основная же масса была сослана в Казахстан с апреля до конца 1938 года. Схема процесса выселения была довольно проста и коварна, после чего она применялась при выселке других народов: балкарцев, ингушей, чеченцев, карачаевцев, кумыков крымских татар и других. На сборы отводились 15-20 минут. Стреляли в тех, кто проявлял недовольство, строптивость, пусть даже в мелочах мог ослушаться, не подчиниться приказу. Выссылаемых везли в вагонах для скота и, как обычно, более 40-50 суток без воды и пищи. Тех, кто умирал в пути, хоронить не разрешали, санитары выкидывали их в воду, снежные сугробы или кучи шлака. Остановки были очень редкие и короткие. Не разрешалось отходить от поезда дальше пяти шагов, стреляли без предупреждения, измученных людей по 3-4 семьи (не более, а иногда только и одну семью) распределяли по спецкомендатурам. Барачный, голодный быт в условиях, когда не могли соблюдаться элементарные нормы санитарии и гигиены, привел к тому, что начались повальные эпидемии дизентерии, сыпного тифа и др. Почти при полном отсутствии медицинской помощи смерть стала косить людей.

Итак, провозглашены насаждение колхозов и раскулачивание на базе сплошной коллективизации. Критерии отнесения хозяйства к категории кулацкого были определены столь широко, что под них можно было подвести и крупное хозяйство, и даже бедняцкое. Это позволяло должностным лицам использовать угрозу раскулачивания как основной рычаг создания колхозов, организуя давление деклассированных слоёв деревни на остальную её часть. Раскулачивание должно было продемонстрировать самым неподатливым непреклонность властей и бесполезность всякого сопротивления. Сопротивление кулачества, а также части середняков и бедноты коллективизации было сломлено жесточайшими мерами насилия.

Приводятся разные данные о числе раскулаченных и выселенных хозяйств. Имеются следующие данные: к концу 1930 г. раскулачено около 400 тыс. хозяйств (т.е. примерно половина кулацких хозяйств), из них выселено в отдельные районы около 78 тыс., по другим данным – 115 тыс. Хотя Политбюро ЦК ВКП(б) ещё 30 марта 1930 г. вынесло постановление о прекращении массового выселения кулаков из районов сплошной коллективизации и предписало проводить его только в индивидуальном порядке, число выселенных хозяйств в 1931 г. возросло более чем вдвое – почти до 266 тыс. В некоторых районах от 80 до 90% крестьян-середняков были осуждены как "подкулачники". В итоге раскулачиванию подверглись десятки тысяч середняков. Выселенные кулаки и середняки, которые не являлись уголовными преступниками (во всяком случае, не были таковыми члены их семей), оказались подвергнутыми уголовному наказанию – высылке – во внесудебном порядке. Это была первая волна незаконных массовых репрессий. Подходя к вопросу о раскулачивании с чисто экономических позиций, отбрасывая пока в сторону социальные, юридические, политические, нравственные проблемы, сразу можно обратить внимание на два момента. Первый – раскулачивание означало устранение из деревни элемента хотя и содержащего капиталистический потенциал, но обладавшего навыками культурного хозяйствования. Даже брошенные в отдалённые, необжитые районы, бывшие спецпереселенцы сумели в удивительно короткие сроки создать коллективные хозяйства, оказавшиеся передовыми. Из их среды вышли талантливые руководители коллективного производства. Второй – сумма расходов по выселению и обустройству выселенных кулаков едва ли покрывалась конфискованным у них имуществом. Было бы неверно отрицать наличие в деревне этого времени сторонников коллективизации. Но и самый убеждённый сторонник коллективного земледелия не мог понять и принять того разгула бюрократического насилия, который ворвался в деревню зимой 1929/30 г.

Сталин осудил многочисленные случаи нарушения принципа добровольности при организации колхозов, "чиновничье декретирование колхозного движения" в своей статье "Головокружение от успехов", появившейся в "Правде" 2 марта 1930 г. Однако, в статье абсолютно отсутствовала самокритика, а вся ответственность за допущенные ошибки возлагалась на местное руководство. Ни в коей мере не вставал вопрос о пересмотре самого принципа коллективизации. Эффект от статьи, вслед за которой 14 марта появилось постановление ЦК "О борьбе против искривления партийной линии в колхозном движении", сказался немедленно. Пока местные партийные кадры пребывали в полном смятении, начался массовый выход крестьян из колхозов (только в марте 5 млн. человек). Поддавшись призывам к вступлению в колхозы и обобществлению средств производства, крестьянство фактически оказалось обмануто, так как было отчуждено от средств производства и утратило всякое право на них. Был нанесён мощный удар по крестьянскому чувству собственника, так как крестьяне были лишены права распоряжаться результатами своего труда – произведённой продукцией, судьбу которой стали решать местные партийные и советские власти. Колхозник потерял даже право самостоятельно решать вопрос о том, где он хотел бы жить и работать, на это требовалось разрешение властей. Сами колхозы, утратив большинство свойств сельскохозяйственной артели, превратились в своеобразное предприятие, подчинённое местным органам власти и партии.

Было установлено правило, согласно которому натуральная оплата труда в колхозах сверх определённой нормы продуктами не отоваривалась, а оплачивалась деньгами. Это по существу было равносильно введению нормированного продовольственного снабжения колхозников, особенно если учесть финансовые затруднения многих хозяйств, бывших не в состоянии производить сколько-нибудь заметные денежные выплаты. В результате сложившейся ситуации осенью и зимой 1931-32 г. произошёл второй отлив крестьян из колхозов. Резко усилился неорганизованный переход сельских жителей в промышленность и строительство. В 1932 г. была введена отменённая революцией паспортная система, установившая жёсткий административный контроль за движением рабочей силы в городах, а в особенности из села в город, превратившая колхозников в беспаспортное население.

Широко распространились случаи хищения хлеба, укрытия его от учёта, заведомо неполного обмолота, припрятывания и т.д. Делались попытки заранее раздать хлеб по трудодням, провести его как расходы на общественное питание во время уборочной. Колхоз оказался встроеным в жёсткую административную иерархию государственного планирования производства и заготовок сельскохозяйственной продукции, что на практике превращало кооперативную собственность в фикцию.

Таким образом, в сложившейся административной системе колхоз оказался зажат в гораздо более тесные бюрократические тиски, нежели государственные предприятия. Последние хотя бы формально находились на хозрасчёте, действовали в условиях самокупаемости, а плано-убыточные пользовались государственными дотациями. Ничего подобного не было и не могло быть в сложившемся хозяйственном механизме даже для самых передовых и наилучшим образом работающих колхозов. Поставки продукции обобществлённого сектора осуществлялись на основе почти безвозмездного изъятия, потому что заготовительные цены на зерно, державшиеся примерно на уровне 1929 г. и в то время едва покрывавшие издержки производства, в 30-е годы оказались фиктивными из-за значительно возросшей себестоимости производства зерна.

Насколько велик был разрыв между ценами и себестоимостью, точно установить невозможно, поскольку подсчёт себестоимости в колхозах с начала 30-х годов не проводился, т.е. во что колхозу обошлось зерно, было неважно, главное, чтобы сдал всё, что положено. В производственном плане колхоза значились в основном натуральные показатели, в финансовом плане, разумеется, денежные, однако этот план не содержал стоимостной оценки значительной части продукции колхоза и издержек её производства.

Источники и литература

1. Колганов А.И. Путь к социализму. Трагедия и подвиг. – Москва: “Экономика”, 1990.
2. Кислицын С.А. История России в вопросах и ответах. Курс лекций. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1997.
3. Гордон Л.А, Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. – Москва, 1989.
4. Казиев С.Ш., Бурдина Е.Н. Отечественная история в таблицах и схемах. – Москва, «Лист», 1997
5. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930-1944. Книга 1. – Москва: РОССПЭН, 2005.
6. ЦК РКП(б)–ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918-1933 гг. – Москва: РОССПЭН, 2005.
7. Джафаров М. Ш. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев. Дисс. кан. ист. наук. – Баку, 1999.
8. <http://historic.ru/news/item/f00/s12/n0001293/index.shtml>
9. Zerkalo, Июнь. 14, 2008, <http://www.zerkalo.az/rubric.php?id=33546&dd=14&mo=6&yr=2008>
10. Интернет-журнал НОВАЯ ПОЛИТИКА. Выпуск от 6/09/2008, <http://www.novopol.ru/text52463.html>
11. Qafqazda Sovet totalitarizmi (20-30-cu illər). Elmi konfransın materialları. Xəzər Universiteti, 6-7 noyabr 1998. – Bakı, 1998.
12. Qaffarov T., Məmmədov İ., Məmmədov X. və b. “Azərbaycan tarixi”. – Bakı: Çaşoğlu, 2003. – 376 s.

Добродум О.В.**РЕЛІГІЙНЕ ЖИТТЯ РОСІЇ В ІНТЕРНЕТІ (ДЕЯКІ ІСТОРИЧНІ АСПЕКТИ)**

Релігійне життя сучасності вочевидь зазнає модифікацію в результаті впливу інформаційних технологій. Порівняння оффлайнового («по цей бік» монітору) та онлайнного («по той бік» монітору) вимірів релігії доцільне з урахуванням того, що саме онлайнний вимір являє собою новий тип існування релігії. Для оффлайнових релігій кіберпростір постає за засіб існування релігії, в той час як для онлайнних релігій – за спосіб її існування (*modus vivendi*). І якщо оффлайнова релігійність знаменує собою розширення можливостей та кількісне відтворення релігійного досвіду, для онлайнних релігій Інтернет забезпечує нову якість та новий рівень релігійних відносин, актуалізований саме завдяки Всесвітній мережі.

Перш за все, треба відзначити відносно незначну кібернетизованість російського простору. Так, за даними на 3 березня 2008 р. у середньому по Росії тільки близько 25% родин користувалося Інтернетом. Торкаючись питання порівняння оффлайнових проявів релігійності з власне онлайнними, можна зазначити, що відмітна риса Глобальної павутини - те, що релігійні меншості та нові релігійні рухи почуваються у мережі вповні комфортно, часто-густо використовуючи потенціал мережних ресурсів значно інтенсивніше та ефективніше, аби досягти онлайнної переваги у прозелітській і місіонерській діяльності. Згідно з опитуваннями сайту religage.ru, середній користувач Інтернету - це молода освічена і соціально активна людина, що має високий інтерес до гадання, магії, окультних оздоровчих практик і взагалі до окультно-нетрадиційних вчень та психокультів, які б уможливили жити успішно, багато і без хвороб. На цьому тлі десятикратно меншим є інтерес до нових релігійних рухів, найпопулярніші з яких: "Рейкі" Мікадо Усуї, реріхіанство і теософія, сайєнтологія Рона Хаббарда, Ошо, Суспільство свідомості Крішні, неоп'ятидесятництво (особливо вчення подружжя Коуплендів), ДЕІР, Свідки Ієгови, Анастасія Володимира Мегре-Пузакова, Саї Баба, тобто найпопулярнішими є окультні й неоіндуїстські рухи [1].

Уперше на пострадянському науковому просторі термін "віртуалізація як конвергентний процес релігійного життя II половини ХХ сторіччя" запровадив Е.І.Мартинюк [2]. Він позначив цим терміном конвергентний процес зростання ролі кібернетичних ЗМІ в сучасному релігійному житті. Характеристику віртуальних релігій і відображення релігійного життя в Інтернеті було здійснено нами в попередніх публікаціях [3].

У даній статті ставиться за мету охарактеризувати комп'ютерну мережу і як спосіб централізації релігійного й церковного життя, і як можливість для автономізації носіїв релігії на всіх рівнях. Як спосіб досягнення поставленої в даній статті мети ми зробимо дослідження кібер-складової релігійного життя РФ (Росії) на матеріалах Рунету (російськомовного сегменту Інтернету).

Інтернет є важливим релігійним середовищем для жителів РФ. Згідно з результатами опитування за січень 2004 р., 59,7% опитаних користувачів Рунету вважають себе віруючими. Найпоширенішою релігією серед учасників опитування виявилось православ'я - з ним себе ототожнюють 63,2% із числа віруючих респондентів. Заявили про свою прихильність до інших християнських конфесій 6,5%. Мусульман виявилось близько 2% [4].

Концептуальне обґрунтування релігійного кібер-життя багатоманітне та амбівалентне. Відносно нерелігійними є погляди прихильників релігії дигіталізму, чії засади збігаються із сюжетом "Матриці": наш світ - переконливий електронний міраж, інтерактивна комп'ютерна програма. Дигіталісти називають п'ять імовірних причин Армагедону: відключення головного комп'ютера; рішення системного адміністратора; хакерська атака; проникнення вірусу; щось, у корені відмінне від перерахованого вище. Згідно з концепцією дигіталізму, Армагедон відбудеться лише в нашій свідомості, інтегрованої у комп'ютерну програму. Ми не зникнемо, а просто повернемося в споконвічну реальність [5]. Неортодоксальними поглядами відрізняється й вчення професора Валентина Кареліна, що заявляє про існування "біокомп'ютера-ноосфери-премудрості" як деякої живої, розумної сутності - інформаційної оболонки Землі, що створена Богом і, не будучи ангелом, виконує